

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Дизайн серии *С. Прохоровой*
Художественное оформление *К. Гусарева*
Редактор серии *Т. Масленникова*

Д18 **Данилова, Анна Васильевна.**
Персиковый мед Матильды / Анна Данилова. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой).

ISBN 978-5-04-101840-5

Сначала поездка в Германию в качестве гостей-туристов в немецком замке Зоммерберг приносила новобрачной Кате Миллер огромное удовольствие. Но вскоре все резко изменилось. Теперь замок кажется Кате местом скопления готических кошмаров. Катя винит во всем своего молодого мужа Сашу — похоже, он напрочь забыл, что они поженились, хотя на словах по-прежнему страстно в нее влюблен. Но тогда зачем он оказывает знаки внимания русской горничной Татьяне, которая намного старше его? И что нужно Саше от замкнутой, холодной немки Луизы Бор, владелицы замка? Более того, вскоре до обитателей замка доходят слухи из соседнего городка: обнаружено тело давно пропавшей Матильды Эш...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Данилова А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101840-5

1. Раушенбург

Кристина Эш ужинала в одиночестве тушеной капустой, не отрывая взгляда от экрана телевизора. Она сидела на диване, на коленях стоял поднос, под спину была подложена большая удобная подушка. В доме было тихо, даже звук телевизора был приглушен, и герои сериала разговаривали как-то неестественно тихо, словно им была понятна глубокая печаль, накрывшая с головой пятидесятилетнюю фрау Эш и не позволявшая даже им нарушать тишину впавших в анабиоз чистых и словно омертвевших комнат. Еще недавно, как казалось Кристине, в доме было пусть и не так чисто, повсюду были разбросаны какие-то вещи, расчески, колготки, звучала музыка, пахло духами и теплым тестом, но это была сама жизнь. Матильда, тридцатилетняя дочь Кристины Эш, веселая и не совсем серьезная молодая женщина, любившая жизнь во всех ее проявлениях, исчезла бесследно ровно год тому назад. Вышла из

дома, как говорится, и не вернулась. Йохан, младший брат Матильды, был уверен, что сестры уже нет в живых. «Пойми, — говорил он мягко матери, пытавшейся убедить сына в том, что его сестра жива, просто попала в сложную ситуацию, — пойми, если бы Мати была жива, разве она не позвонила бы тебе, как ты думаешь? Или она забыла, как пользуются телефонами? К тому же все ее теплые вещи на месте, да и чемодан тоже... Она хоть и была рассеянной и несобранной, сама знаешь, какой была наша Мати, но не до такой же степени, чтобы смыться из дома, не прихватив с собой ни одной вещички. А вещи у нее все хорошие, дорогие, не думаю, что она оставила бы их просто так, не подумав о том, что они могут ей пригодиться». Когда Йохан так говорил, Кристина просто сходила с ума от отчаяния: она больше всего хотела бы, чтобы сын разделил ее надежду на возвращение Матильды, ей так нужна была его поддержка. Но Йохан был человеком, твердо стоящим на ногах, и не верил в то, что Матильда воскреснет. Да, он именно так и говорил: «Не воскреснет». Словно она была уже мертва...

В капусте попадались кусочки колбасы, и Кристина тщательно их прожевывала. Мати

любила ее капусту, как вообще любила все, что мать готовила. Да и сама Матильда была прекрасным кулинаром, а уж печь умела так, как никто другой во всем Раушенбурге. Вот только применения своим способностям так и не нашла, не сумела выйти замуж, родить детей — жила себе как бабочка, порхала из одной мужской постели в другую, брала от жизни все, что только попадалось под руку, радовалась, как умела. А уж какая неприхотливая была Мати — все мужчины ей нравились, в каждом она умела разглядеть что-то хорошее. Даже в пьянице Петере Геллере она нашла бездну доброты, простодушия, щедрости. Чуть замуж за него не вышла. Может, и вышла бы, не угоди Петер под колеса грузовика.

Солнце село, окна загорелись теплым оранжевым светом, мягкие продолговатые тени деревьев легли на стены. Послышался звук отпираемой двери — пришел Йохан. Кристина вздохнула, поставила поднос на столик, встала, пошевелила плечами, чтобы выпрямить спину, покрутила головой, пригладила волосы ладонями. Вздохнула и пошла навстречу сыну.

Йохану было двадцать восемь, и в этом году он собирался жениться на Марте, своей невесте, жившей в Мюнхене, но готовой сразу же после свадьбы переехать сюда, в Раушенбург, к Йохану и его матери. К счастью, Кристина и Марта быстро поладили. Все страхи, связанные у Кристины с появлением в ее жизни снохи, исчезли, когда она поняла, что ей не придется делить сына с чужой женщиной. Марта любила Йохана, и Кристина не восприняла ее как чужую. Девушка как-то легко нашла в Кристине близкого и родного человека, была спокойна, рассудительна, предупредительна. Да о такой снохе можно было только мечтать. Жаль только, что она приезжала в Раушенбург не так часто, как бы этого хотелось Кристине. Йохан периодически ездил в Мюнхен за деталями для своей автомастерской и там, в доме родителей Марты, оставался ночевать. Его там любили и считали дни до свадьбы.

— Мама? — Йохан остановился на пороге гостиной и уставился на мать так, словно не ожидал ее здесь увидеть. Он был бледен, лицо его даже показалось Кристине сероватым, по лбу струился пот.

— Йохан, что с тобой? Ты заболел? — встревожилась она. Подошла и внимательно осмот-

рела лицо сына. — Ты что молчишь? Что-нибудь случилось? С Мартой? Она в порядке?

— Мама... Ты только успокойся... Ничего, слышишь, ничего не произошло. И с Мартой все в порядке, она жива и здорова. Мы с ней только что расстались... Сядь.

Когда он говорил «сядь», это могло означать только то, что он готовил мать к какой-то дурной новости. Но если с ним и с Мартой все в порядке, то остальное теперь не имело для нее никакого значения.

Она послушалась его и села на диван, облокотилась на подушку и подняла на сына отчего-то повлажневшие глаза. Да, конечно, сейчас он скажет ей что-то нехорошее... Но что? После того как пропала Мати, разве может ее что-то всерьез встревожить? Главное, с Йоханом и его невестой все слава богу.

— Мама, я сейчас пройду в свою комнату, потом позову тебя, и ты поднимешься, хорошо?

— В комнату? Йохан, ты пугаешь меня! Что у тебя там... в комнате?

Она подумала вдруг, что Йохан все-таки заболел и хочет раздеться и показать матери что-то, может, опухоль, или ссадину, или... огнестрельную рану? Отчего он такой серый?

— Йохан, скажи только: ты не болен?

— Нет же, мама, не болен! — нервно бро-

сил он и достал из кармана телефон. — Когда я тебя позову, поднимайся, хорошо? Я просто кое-что заснял на телефон и теперь хочу показать тебе на компьютере, в увеличенном виде. Вот и все.

Она слабо улыбнулась. Фотография. Что-то испугало ее сына, раз он хочет ей это показать. Главное, повторила она про себя в который раз, с Йоханом все благополучно.

Он позвал ее минут через десять. Не сказать, чтобы она сильно переживала. Больше того, она встала и унесла поднос с остатками еды и грязной тарелкой на кухню. Старалась держаться, чтобы не отключиться, не упасть в обморок, как на прошлой неделе. Шла себе вот так же с подносом да вдруг лишилась чувств. Очнулась на полу, среди осколков посуды, на ковре — разлитый томатный суп. Пришлось чистить ковер.

Она услышала голос сына, звавшего ее к себе в комнату, нервным движением вытерла и без того чистые сухие руки о фартук и направилась к лестнице. Поднималась тяжело, с бьющимся сердцем.

Вошла и сразу же посмотрела на экран компьютера. Ей показалось, что она видит какую-то темную, непонятную картину. И, только приблизившись, она поняла, что это сни-

мок леса. Темно-зеленые ели, фрагмент лилового неба, а в глубине — какое-то светлое пятно.

— Мама, сядь. — Йохан придвинул к столу еще один стул для матери, взял ее за руку и усадил рядом с собой. — Смотри... Это лес. Ты знаешь это место, рядом с замком «Зоммерберг».

— Конечно, знаю. Лора Бор, ты же знаешь, мы были когда-то подругами... Ты не знаешь, кстати, как идут ее дела? Много ли туристов?

— Не знаю. Вот навестишь ее и спросишь сама. Мама, посмотри внимательно на этот снимок. Я потом покажу тебе и другие.

— Йохан, это всего лишь лес.

— Мы были там сегодня с Мартой. Решили устроить пикник, купили тирольской колбасы, ты знаешь, Марта любит пикники. Мы развели там костер.

— Надеюсь, вас никто не видел? Там же довольно людное место.

— Мама! Ничем таким мы там не занимались. Мы просто хотели поджарить колбасу, отдохнуть.

Кристина вдруг поймала себя на том, что она не хочет, чтобы Йохан рассказывал ей истинную причину появления в их доме это-

го снимка. Она готова была задавать любые глупые вопросы, лишь бы оттянуть время. Она знала, что в этом лесу влюбленные парочки проводили время куда веселее, чем они могли бы себе это позволить в доме родителей. Вот и Йохан, видимо, привозил туда свою невесту, чтобы...

— Вот смотри, я увеличил это пятно.

Она уже видела это. Теперь же это было не пятно, а какая-то светлая тряпка, висевшая на ветке ели. Йохан увеличил изображение, и на светлой ткани, явно потускневшей и вымазанной грязью, проступили розовые точки. Розочки. Это было платье Матильды! Где-то глубоко в горле образовался ком и медленно покатился куда-то вниз, в грудь. Ей стало тяжело дышать...

— Мама, это платье Матильды! Ты знаешь, другого такого платья в Раушенбурге ни у кого не было. Эту ткань ей подарил один шофер из Лиона, помнишь его? Мати еще тогда привела его к нам домой переночевать, и тебе не понравилось, что он так много ест и громко рыгает.

— Да... — произнесла она онемевшими губами. — Я еще тогда сказала, что это неприлично — приводить в дом постороннего человека.

— Она сказала, что, может, выйдет за него замуж, — вздохнул Йохан. Он тяжело переживал падение сестры и уже не верил, что когда-нибудь она выйдет замуж.

— Это платье она сшила себе сама, — кивнула Кристина. — Это точно оно. Но как оно могло оказаться в лесу?

— А ты не понимаешь? Мати была в нем, потом сняла его. Словом, мама, она не вышла из леса, я так думаю. Не могла же она голой направиться домой? Думаю, что она... там...

— Кто?! — Кристине вдруг стало холодно. Словно это с нее сняли платье и оставили ее в лесу — одну, ночью. Почему ночью?

— Наша Мати. Думаю, ее тело там... в лесу. Там, среди хвойных иголок, я увидел и это...

На экране появился еще один снимок. Женская туфля светло-розового цвета. Это была туфля Мати. Она любила надевать их именно с этим красивым, правда, немного легкомысленным (как и сама Мати) платьем. Значит, она вышла из леса босая?

— Йохан, мне страшно... Какие ужасные находки! Но, может, все не так, как ты думаешь? И она жива? — Глаза Кристины наполнились слезами. — Йохан! Мы с тобой знаем,

Мати часто бывала в этом лесу... не одна. Зачем ее было кому-то убивать? Она и так никому не отказывала. Какой в этом смысл?

— Какой-нибудь психопат. Некрофил... Идиот, понимаешь, мама?! Вокруг полно больных людей!

— Что ты решил?

— Я и позвал тебя, чтобы поговорить. Спросить тебя. Пойми, мы Мати уже ничем не поможем. Она наверняка мертва. Другой вопрос — ты. Мне важно, чтобы ты сама приняла решение: обращаться в полицию или нет? Ты должна понимать, что если мы обратимся в полицию и они обнаружат труп Мати в лесу, то нам с тобой придется ее опознавать. Это тяжелое испытание. Я ужасно боюсь за тебя. Ты и так держишься с трудом. Я же знаю, как ты больна. К тебе аппетит вернулся лишь недавно. Ты похудела. Такой стресс может только навредить тебе. Еще раз повторю — Мати-то мы все равно уже ничем не поможем. Но, с другой стороны, а вдруг ты успокоишься, когда полиция найдет преступника, того, кто ее убил? Как именно, ты считаешь, нам надо поступить?

— Йохан... А ты думаешь, мне будет легче, если я буду знать, что моя дочь лежит под землей, в лесу, зарытая, как собака? А убий-

ца гуляет на свободе, пьет пиво и готовит новое убийство?

Она сказала это так твердо, что Йохан покачал головой. Он не ожидал от матери такого адекватного понимания ситуации, такой трезвости ума и выдержки.

— Мама, нам стоит сделать всего лишь один звонок, и все завертится. В лес приедут полицейские с экспертами. Ты все правильно говоришь, ты умная и все понимаешь, но твое здоровье... Это будет шок, стресс. А ты у меня одна.

— Не переживай за меня. К тому же может оказаться, что в лесу нет нашей Мати. Что она просто провела там весело время и нагишом отправилась с каким-нибудь водителем в отель. Может, этот мужчина дал ей свою рубашку и штаны? Мати сколько раз возвращалась домой под утро, разве мы видели, в чем она приходила?

— Но зачем было оставлять свое любимое платье в лесу?

— Выпили много. Вот и все.

Ей было неприятно говорить об этом, тем более что, произнося подобные вещи, она представляла себе пьяненькую Мати, растрепанную, с хвойными иголками в волосах и с блуждающей улыбкой, раздетую, розовую, с